

мет привычной данью... // Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени. М., 1995; Солнцева Н. Сорочье царство Сергея Клычкова // С. Клычков. СС: в 2 т. М., 2000. Т. 1; Пономарева Т. Философские романы С. Клычкова // Русская лит-ра XX в.: итоги и перспективы изучения: сб. науч. трудов. М., 2002.

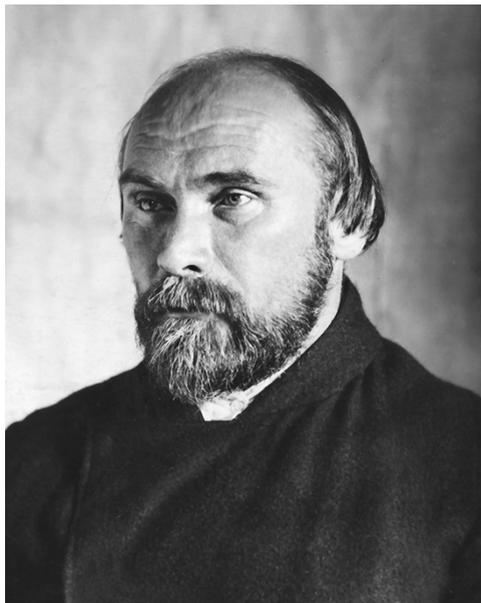
А. И. Михайлов

КЛЮЕВ Николай Алексеевич [10(22).10.1884, Коштугская волость Вытегорского у. Олонецкой губ.— 10.1937, Томск] — поэт, прозаик.

Родился в одной из деревень Коштугской волости. Отец — урядник, получивший должность сидельца казенной винной лавки в д. Желвачево Мокачевской волости Вытегорского у., куда семья переезжает в 1890-е. Мать — из старообрядческого рода, ревностная хранительница традиций «древлего благочестия». От матери будущий поэт получает и своеобразное домашнее образование: «Грамоте меня выучила по Часовнику мамушка <...>. Я еще букв не знал, читать не умел, а так смотрю в Часовник и пою молитвы, которые знал по памяти, и перелистываю Часовник, как будто бы и читаю». (**Гагарья судьбина** // Север. 1992. № 6). К матери, по признанию поэта, восходят не только истоки религиозно-нравственных основ его личности, но также и его поэтического дара. Была она, как он писал сразу же после ее смерти в 1913 В. Брюсову и В. Мировлюбову, «песельницей» и «былинщицей», т. е. своеобразной стихийной поэтессой.

К. учится в церковно-приходской школе (1893–95), затем в Вытегорском городском училище (1896–97); в 1898 поступает в Петрозаводскую фельдшерскую школу, из которой, проучившись год, уходит. Согласно «автобиографии», в 16 лет по настоянию матери он уходит в Соловки «спасаться» и надевает там на себя «девятифунтовые вериги», затем отправляется оттуда в странствования по скитам и убежищам тайных мистических сект России. В одной из раскольнических общин Самарского края он становится «царем Давидом», т. е. слагателем «песен» на потребу радений тамошнего хлыстовского «корабля». Таково начало поэтического пути К. в полумифическом варианте его автобиографии. Исторически же достоверным началом являются стихи, опубликованные в малоизвестном петербургском альм. «Новые поэты» (1904) и затем в двух московских сб.— «Волны» и «Прибой» (1905), изданных «народным» кружком П. А. Травина, членом которого К. состоял.

Приняв участие в революции 1905 в качестве агитатора от Крестьянского союза

Н. А. Ключев

и поплатившись за это 6-месячным тюремным заключением, К. вступает на путь интенсивных духовных поисков и творческого самоопределения, прокладывая себе тропу к большой поэзии. Провожатым к ее вершинам избирается им А. Блок. К. вступает с Блоком в 1907 в переписку, которая продолжается долгое время. К. придерживается двух целей: во-первых, приобщить себя, «темного и нищего, кого любой символист посторонился бы на улице» (из письма Блоку 5 нояб. 1910), к элите жрецов совр. искусства; а во-вторых, просветить самих этих жрецов, оторванных от национальной жизненной стихии и истинной культуры, духом добра и красоты, исходящих от потаенной народной России, вестником которой он себя осознает. За такого принимает его и Блок, включая фрагменты ключевских писем в свои статьи, а личную встречу с ним в октябре 1911 назвав «большим событием» в своей «осенней жизни» (Дневник. 1911. 17 окт.). В письме к одной из своих корреспонденток Блок даже признается: «Сестра моя, Христос среди нас. Это Николай Ключев» (Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 338). В конце 1911 (с указанием — 1912) выходит первая книга его стих. «**Сосен перезвон**». В предисл. В. Брюсова говорилось, что «поэзия Ключева жива внутренним огнем», вспыхивающим «вдруг перед читателем светом неожиданным и ослепительным», что у К. «есть строки, которые изумляют».

В стихах книги ощутимо эхо недавней революции. В экзальтированном облике героини своеобразного лирического романа (единственного у К. с адресатом-женщиной) угадывались исполненные жертвенности черты революционерки и одновременно монахини.

В 1912 выходит вторая книга стихов К.— «**Братские песни**», составленная, по утверждению автора, из текстов, сочиненных им еще в бытность юным «царем Давидом». Выход этой книги сопутствует сближению К. с «голгофскими христианами» (революционно настроенной частью духовенства, делавшими ставку на К. как на своего пророка). Однако, не оправдав их надежд, К. отходит от религиозно-пророческой стези, он выбирает путь поэта. В 1913 издает новую книгу стихов «**Лесные были**». В ней предстает «языческая», народная Русь, веселящаяся, разгульная, торжествующая, высказывающаяся о себе почти естественным (на самом же деле искусно стилизованным) голосом фольклорных песен («**Полюбовная**», «**Кабацкая**», «**Острожная**»). Учтывая этот поворот К. от религиозной доминанты своих первых книг, В. Ходасевич иронизировал по поводу несостоявшихся претензий «мистиков» из «Новой жизни» (ж. «голгофских христиан») на К. как пророка «нового религиозного откровения»; он подчеркивал, что содержание «**Лесных былей**» составляет «эротика, довольно крепкая, выраженная в стихах звучных и ярких» (Альциона. М., 1914. Кн. 1. С. 211).

К этому времени К. уже признан на отечественном Олимпе. Н. Гумилев в лит. обзорах определяет основной пафос его поэзии как «пафос нашедшего», как «славянское ощущение светлого равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге», называет самого поэта «провозвестником новой силы, народной культуры», а его стихи «безукоризненными» (Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 136, 137, 149). В поэзии К. акмеистам импонирует словесная весомость, многокрасочность и полнозвучность изображенного в ней патриархального крестьянского мира. О. Мандельштам в «Письме о русской поэзии» (1922) назовет этот мир «величавым Олонцем, где русский быт и русская мужицкая речь покоятся в эллинской важности и простоте» (Слово и культура. М., 1987. С. 175). Акмеисты с готовностью причисляют К. к своей цеховой группе.

С 1913 К. становится центром притяжения «поэтов из народа», составивших вскоре ядро новокрестьянской поэзии,— А. Ширяева, С. Клычкова, С. Есенина. В последнем

сразу же при первом знакомстве с ним он увидел «прекраснейшего из сынов крещеного царства» и воспринял его как своего рода мессию глубинной русской поэзии, по отношению к которому себе готов был определить только роль предтечи.

В 1916 выходит четвертая книга стихов К. «**Мирские думы**»; в середине 1910-х создается посвященный смерти матери цикл «**Избяные песни**», вершинное достижение К. в этот период. Особую роль в поэзии К. получил пейзаж. В совершенстве разработанный поэзией XIX в. реалистический пейзажный образ одухотворяется у него необычайно ярким видением в нем Святой Руси, называемой им «бездонной Русью», «рублевской Русью», Россией «берестяного рая». В живописи подобное же прозрение духовного, религиозно-сокровенного облика России в ее природной ипостаси было сделано «певцом религиозного Севера» М. Нестеровым. Начатое обычно реалистически воссоздание природы поэт затем гармонично переключает в план ее мистического восприятия — через мирозерцание и духовное видение христианской и православной культуры. Природа в таком случае начинает приобретать некий трепет таинственного инобытия, в ее восприятии присутствует элемент церковности: «Набух, оттаял лед на речке, / Стал пегим, ржаво-золотым... / В кустах затеплились свечки / И засинел кадильный дым» («**Набух, оттаял лед на речке...**», 1912). Эстетическое восприятие природы соединяется в пейзажной лирике К. с ощущением божественной благодати.

При этом обе поэтические «материи» (природы и православной духовности, храма) поэт тонко сближает в точках их наибольших, например, цветовых соответствий: первые весенние листочки — свечки, белизна березовых стволов — бледность лиц монастырских отроков и монахинь, позолота иконостаса — желтизна осеннего леса, киноварь на иконе — заря, голубой цвет на ней — небесная синева, человеческая жизнь — свеча, сгорающая перед иконой, но вместе с тем также и «перед ликом лесов».

К. принимает революцию 1917 поначалу восторженно, ошибочно предполагая в ней силу, способную содействовать историческому воплощению той Руси, которая была намечена в поэзии К. как «берестяной рай», как «мужицкое царство». В 1918 он даже вступает в ряды РКП(б.) Наряду с А. Белым, А. Ремизовым, Е. Замятыным, М. Пришвиным, С. Есениным и др. он входит в лит. группу «Скифы», участники которой придержива-

лись идеи крестьянского социализма, понимаемого в духе христианской утопии (Р. В. Иванов-Разумник и др.). В 1918 выходит книга стихов К. «**Медный кит**», представляющая в основном лицо его революционной музыки. Когда же вскоре надежды поэта на то, что «возлюбит грозный Ленин / Пестрядинный клюевский стих» («**Родина, я грешен, грешен...**», 1919), не оправдываются, он теряет всякий интерес к вождю мирового пролетариата.

В 1919 выходит двухтомник К. «**Песнослов**», включающий в себя и новые произведения, и в переработанном и дополненном виде стихи предшествующих книг. Доминирующая мысль «Песнослава» родственна христианской идее о том, что «мир лежит во зле» и что только через его духовное «преображение» может быть достигнуто всечеловеческое освобождение от существующих страданий и несовершенства, мир и благоденствие. Но если поначалу такой «преобразующей силой» у К. выступало всецело само учение Христа, то теперь на первый план (не вытесняя, впрочем, Христа) выдвигается мир природный и земледельческий — как некий универсальный космос человеческого бытия, как «плоть» и «дух» национальной жизни. Мир тьмы и зла представлен здесь в значительной мере inferнальными образами — от вполне безобидных «запечных бесенят» до самого «властелина» ада, семироного «Сына бездны» как воплощения и социального зла, и нравственных терзаний души. Но все-таки самым крайним злом, угрожающим «берестяному раю», «избяной» Руси, предстают здесь технический прогресс и урбанизация всей жизни, несущие «органическому человеку» духовное и физическое оскудение, а природе — гибель. В письме А. Ширяевцу (нояб. 1913) К. заклинал: «О, мать пустыня! Рай душевный, рай мысленный! Как ненавистен и черен кажется весь так называемый Цивилизованный мир и что бы дал, какой бы крест, какую бы Голгофу понес — чтобы Америка не надвигалась на сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку...» (Соч. Т. 1. С. 190). Одним из немногих открывает К. в поэзии XX в. тему экологической опасности: «В Светлояр изрыгает завод / Доменную отрыжку — шлаки» («**Русь Китеж**», 1918); позже он отметит, что и «зыбь Арала в мертвой тине...», и «Волга синяя мелеет...» («**Разруха**», 1933 или 1934). В центре худож. мира «Песнослава» — крестьянская изба, углубленная и расширенная до пределов некоего «избяного космоса», в которой опотизировано все: «Узнайте же ныне: на кров-

ле конек / Есть знак молчаливый, что путь наш далек» («**Есть горькая супесь, глухой чернозем...**», 1916). Но космическая предназначенность избы — это, по К., только разгаданная часть ее непостижимой судьбы. Для выражения других ее сущностей поэт прибегает к образам, исполненным ощущения и светлой тайны: «Изба — святилище земли / С запечной тайною и раем...» («**Поэту Сергею Есенину**», 1916–17), и тревожных предчувствий: «...лесная изба / Глядится в столетья, темна как судьба...» («**Запечных потемок чурается день...**», 1912 или 1913), и, наконец намек на какое-то большое, ожидающее ее несчастье: «Есть в избе, в сверчковой панихиде / Стены Плача, Жертвенной Обиды» («**Нила Сорского глас...**», 1918).

В 1922 выходит новый сб. стихов К. «**Львиный хлеб**», отражающий перелом в его мирозерцании от иллюзий 1917–18 к трагическим мотивам поэзии 1920-х. Poleмика с поэтами-урбанистами (Маяковским и пролеткультовцами) чередуется с мрачными картинами гибели России и своей собственной («**По мне Пролеткульт не заплачет...**», 1919; «**Меня хоронят, хоронят...**», 1921). В том же 1922 выходит и отд. изд. поэма «**Мать-Суббота**», посвященная мистике сотворения крестьянского хлеба. Сущность поэмы сам автор тогда же пояснял: «Рождество хлеба — его заклятие, погребение и воскресение из мертвых, чаемое как красота в русском народе, и рассказаны в моей „Голубой субботе“» («**Словесное древо**»).

В сент. 1922 в «Правде» (№ 224) появляется статья Л. Троцкого о К. (одна из нескольких под общим названием «Внеоктябрьская литература»), в которой автор, отдав должное «крупной» индивидуальности поэта, «пессимистически» обобщал: «Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни <...> явно на ущербе. На ущербе как будто и Клюев» (Лит-ра и революция. М., 1991. С. 62). В этом же году в рецензии на поэму К. «**Четвертый Рим**» (1922) Н. Павлович (псевдоним Михаил Павлов) писала: «За песни его об этой темной лесной стихии мы должны быть Клюеву благодарны — врага нужно знать и смотреть ему прямо в лицо» (Книга и революция. 1922. № 4). Со специальной целью разоблачить мистицизм «пахотной идеологии» К. выходит в 1924 книга В. Князева «Ржаные апостолы (Клюев и Клюевщина)». Заранее уже знающий о работе над нею, К. в письме Есенину 28 янв. 1922 по ее поводу пишет: «...порывая с нами, Совет-

ская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе» (Вопр. лит-ры. 1988. № 2).

В середине 1920-х К. делается некоторая попытка подстроить свою музу к «новым песням» («**Богатырка**», 1925; «**Ленинград**», 1925 или 1926), однако параллельно с ними создаются и «новые песни», в которых звучит мотив «отлета» России из чуждой современности: «По речному таит страница / Лебединый отлетный крик. / Отлетает Русь, отлетает...» («**Не буду писать от сердца...**», 1925) и проклятия «железу»: «Забодало железное быдло / Коляду, душегрейку, салазки» («**Наша русская правда погибла...**», 1928). С особой эпической силой мысль о гибели России развивается К. в поэмах «**Деревня**» (1927), «**Соловки**» (1926–28), «**Погорельщина**» (1928), «**Песнь о Великой Матери**» (между 1929 и 1934), являющихся трагическим эпосом конца России и лебединой песней ее последнего рапсода. К ним примыкают поэмы «**Плач о Сергее Есенине**» (1926) и «**Заозерье**» (1927). В «Погорельщине», назвавшись «песнописцем Николаем», поэт берет на себя миссию свидетельствовать далеким потомкам о неповторимой красоте сожженной «человечьим сбродом» «нерукотворной России».

Только «Плач о Сергее Есенине», «Деревня» и «Заозерье» публикуются при жизни поэта, все же остальные поэмы появятся в печати на его родине лишь более чем через полсотни лет.

В 1928 выходит последний сб. стихов К. «**Изба и поле**», всецело составленный из ранее напечатанного. Однако следующие 5 лет — период наиболее интенсивного и даже как бы «отчаянного» творчества. Кроме трагического эпоса «отлетающей» России, создается значительный пласт лирики, объединенный именем Анатолия Яр-Кравченко — героя его последнего лирического романа («**Вспоминаю тебя и не помню...**», 1929; «**Моему другу Анатолию Яру**», «**Из предсмертных песен**», «**Повесть скорби**» 1933), а также большой цикл стихов «**О чем шумят седые кедры**», отмеченный драматизмом личной жизни (одиночество) и конфликтным противостоянием современности.

Неизменно подчеркивавший свое духовное (и даже генетическое) родство с «огненным именем» негибавшего протопопа Аввакума, К. отнюдь не намерен уступать в неравной борьбе своих позиций. В «Погорельщине» под видом исторически давних, легендарных врагов Руси половцев и сарацин рисуется облик нынешних разрушителей ее ду-

ховности и красоты. Он не только яростно защищает своего собственного «берестяного Сирина», но и в страстной инвективе «**Клеветникам искусства**» (1932) берет под защиту от погромщиков русской поэзии наиболее преследуемых ими С. Клычкова, С. Есенина, А. Ахматову, П. Васильева. В конце 1933 или начале 1934 К. создает уже открыто направленный против злодеяний существующего режима цикл «**Разруха**», со страниц которого встает потрясающая картина народного страдания: голода, массовой гибели вывезенных на Вологодчину раскулаченных украинцев, рытья печально знаменитого канала: «То беломорский смерть-канал, / Его Акимушка копал, / С Ветлуги Пров да тетка Фекла, / Великороссия промокла / Под красным ливнем до костей / И слезы скрыла от людей, / От глаз чужих в глухие топи». Мн. строки из «Разрухи» оказались пророческими, в частности о России будущей (к сожалению, о России настоящей): «Ей вести черные, скакун из Карабаха...»

Наряду с поэмами и стихотворными циклами неопубликованной (за некоторым исключением) осталась и проза К., в основном небеллетристического, скорее маргинального характера, но тем не менее занимающая в русской лит-ре XX в. свое определенное место (в силу запечатления в ней уникальной личности и судьбы ее автора, с его исключительно своеобразным индивидуальным стилем). Это автобиографические рассказы («**Из записей 1919 года**»; «Гагарья судьбина», 1922; «**Праотцы**», 1924, и др.), составляющие в совокупности некое «житийного» характера повествование поэта о своих «древлеправославных», «аввакумовских» корнях, о знаках своего избранничества на этом пути, о своем поэтическом генезисе, восходящем к сокровенным и вещим силам земли и природы («медвежья сопель», «заклятое певучее» перо гагары — «царицы» водяных птиц и проч.), о скитаниях по духовным перепутьям России, о встречах с известными современниками. Широта охвата личностью рассказчика разных социальных и духовных сфер жизни составляет особенность этих рассказов: «Так разворачивается моя жизнь от избы до дворца, от песни за навозной бороной до белых стихов в царских палатах» («Гагарья судьбина») Более повезло публицистике: полностью были опубликованы статьи самого активного «октябрьского» периода деятельности К. в этой области (в уездной газ. «Звезда Вытегры». 1919–22). Мн. из них свидетельствовали о том, что «действительность 1919 года была окрашена для Клюева

в красно-золотые, солнечные тона, что мир он воспринимал тогда, скорее, однополярным, моноцветным» (Пономарева Т.— С. 73), Вместе с тем, приветствуя революцию, К. в этих статьях брал под защиту многое из того, что ею уничтожалось: церковное искусство — как национальную, призванную спасти Россию «красоту», а также крестьянский мир с его традициями и культурой (статьи «**Порванный невод**», «**Сдвинутый светильник**», а также пересказанное в газете содержание его устных выступлений «**Медвежья цифирь**» и «**Слово о ценностях народного искусства**» — все 1919). Их пафос, направленный на соединение «Матери-Красоты» с революционной «новью», не был понят, и поэт был исключен из рядов РКП(б) (1920).

Масштабнее всего как прозаик К. выразил себя в письмах, ставших «его дневником, его философией, этикой и эстетикой, его исповедью» (Базанов В. Г.— С. 47). В них раскрывалась многозначная связь поэта с окружающим миром, современниками, диктовавшаяся потребностью в общении на высоком духовно-интеллектуальном или сердечном уровне (А. Блоку, В. Брюсову, В. Миролубову), поисками родственной души в чуждом мире (А. Ширяевцу, С. Есенину, А. Яр-Кравченко). В письмах к каждому из адресатов находил отражение какой-то из весьма существенных моментов жизненного и творческого пути К. В письмах к Блоку утверждалось право быть равным среди равных в русской поэзии, к Есенину — он раскрывался как борец за сохранение в национальной духовности ее самых глубинных корней, чистых родников творчества как раз в период разрушения основ народного бытия. В письмах к Яр-Кравченко преодолевался драматизм как личной жизни (одиночество), так и конфликт с отвергающей поэта современностью, утверждалась связь с общечеловеческими ценностями (наставничество, сердечная привязанность). В исполненных трагизма письмах из Сибири (С. Клычкову, В. И. Горбачевой, Н. Ф. Христофоровой-Садомовой) запечатлены все подробности заключительного (страдного, мученического, исповедального) этапа жизненного пути поэта.

В 1920-е проза К. заявляет о себе своеобразным жанром эссеистики, в виде записанных его другом Н. И. Архиповым высказываний о классиках, современниках и себе. Это сентенции о своих духовных ориентирах, выборе жизненного поведения, а также об отдельных собственных произведениях, их смысле (род комментариев), о своей отвер-

женности от современности, о горестных приметах нынешнего гибельного состояния России. Особый раздел составляют носящие шокирующий характер преимущественно негативные суждения о Есенине, вызванные, несомненно, горечью автора по поводу своих неоправдавшихся надежд на мессианский путь младшего «песенного собрата» как выразителя светлых творческих сил и самой «звездной» судьбы России, поддавшегося, к сожалению (по мысли К.), влиянию чуждых ей сил.

Так, в записях собеседников К. (того же Архипова и Христофоровой-Садомовой) сохранились и рассказанные им в 1920–30-е сны, в которых нашли отражение тревога за жизнь, предчувствие неизбежной гибели, неизменно сопровождаемые мотивом бегства и поиска укрытия от преследователей — убийц и палачей. Иногда они разрешаются радостью обретенного спасения под знаками то православных святых («Вдруг где-то далеко, далеко, в даях святорусских ударил колокол...»), то благодатного крестьянского топоса, «избяного космоса» («Вошел я в хлев, темень меня облапила, удойная добрая мгла»), то уже за пределами совр. России («Ну,— думаю,— с меня теперь взятки гладки: в Египте я, в земле древней, неприкосновенной!..»). Но чаще же всего героя ждет гибель: из сна в сон его расстреливают, режут, вешают, душат. Однако для него (за которым стоит автор — подлинный художник-мистик) и смерть, уничтожающая всего лишь физическую оболочку («Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить», Мф.: 10, 28), оказывается в итоге все тем же спасением через приобщение к вечным ценностям духовного бытия: «Как оком моргнуть, рухнула крыша-череп <...> Порвал я на себе цепи и скоком-полетом полетел в луговую ясность, в Божий белый свет <...> лебяжьем летом лечу над великим озером. Тихи и безбрежны воды озера, высокая заря над ними, о которой поется „Свете тихий“ по церквам русским».

В прозе К. сильно ощутима генетическая связь с древнерусской лит-рой, прежде всего с жанром «духовного завещания», а также самоуничтожительного и покаянного тона. «Поэтика клюевской прозы является мифоромантической. Его образы опираются одновременно на тексты Священного Писания, апокрифы, народные легенды и фольклор. Мифологемы Голгофы, распятия (сораспятия), воскресения, „последних дней“, преображения, огня, пожара, света, тьмы, Красного коня, Змея становятся центром его художественного мира» (Пономарева Т.— С. 124–125). Она пронизана также унаследованным

от древнерусских и библейских текстов, ритмическим, стиховым («версийным») началом (см.: Орлицкий Ю. Проза и стих в творчестве Н. Клюева и других поэтов новокрестьянского направления // Вытегорский вестник. 1994. № 1).

2 февр. 1934 К. (в это время он проживает в Москве) подвергается аресту за антисоветскую агитацию. На допросах он не скрывает своего решительного неприятия «политики компартии и советской власти, направленной к социалистическому переустройству страны», которое он рассматривает «как насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью». Октябрьская революция, высказывается он, «повергла страну в пучину страданий и бедствий и сделала ее самой несчастной в мире». «Я считаю, что политика индустриализации разрушает основу и красоту русской народной жизни, причем это разрушение сопровождается страданиями и гибелью миллионов русских людей...» (Огонек. 1989. № 43). Сосланный поначалу в пос. Колпашево (Западная Сибирь), К. вскоре переводится в Томск, где с весны 1937 теряется с ним связь, уступая место версиям и легендам о его кончине. И только в 1989 из ставших доступными материалов томского НКВД выясняется истинная картина его гибели: 5 июля 1937 его, уже завершающего срок ссылки, вторично арестовывают как активного, «близко стоящего к руководству» участника «монархо-кадетской» повстанческой организации Союз спасения России (никогда не существовавшей); приговоренный к высшей мере «социальной защиты», он был расстрелян в один из трех дней — 23–25 окт. 1937.

Последним из известных произведений К. является стих. **«Есть две страны: одна — Больница...»**. Посланное с последним письмом А. Яр-Кравченко (25 марта 1937), оно свидетельствует о том, что, несмотря на все страдания и бедствия, творческие силы не оставляли поэта.

Соч.: Соч.: в 2 т. Мюнхен, 1969; Стихотворения и поэмы. Л., 1977; Письма к А. Яр-Кравченко // Север. 1993. № 10; Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; Словесное дерево: проза. СПб., 2003.

Лит.: Филиппов Б. Николай Клюев: Материалы к биографии // Клюев Н. Соч. Мюнхен, 1969. Т. 1; Грунтов А. Материалы к биографии Н. А. Клюева // Русская литература. 1973. № 1; Базанов В. Г. С родного берега: О поэзии Николая Клюева. Л., 1990; Кравченко Б. Через мою жизнь // Наше наследие. 1991. № 1; Киселева Л. Христианство русской деревни в поэзии Николая Клюева // Православие и культура. Киев, 1993. № 1; Михайлов А. История и судьба в зеркале сновидений (по

снам Николая Клюева) // Мера. 1994. № 2; Мекш Э. Образ Великой Матери: Религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Клюева. Даугавпилс, 1995; Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева. Томск, 1995; Николай Клюев. Исследования и материалы. М., 1997; Маркова Е. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997; Михайлов А. Николай Клюев и мир его поэзии // Николай Клюев. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; Пономарева Т. Проза Николая Клюева 20-х годов. М., 1999; Николай Клюев: Образ мира и судьба. Томск, 2000; Солнцева Н. Станный эрос. Интимные мотивы поэзии Николая Клюева. М., 2000; Азадовский К. Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование. СПб., 2002; Михайлов А. О прозе Николая Клюева // Клюев Н. Словесное дерево. СПб., 2003; Михайлов А. В «Гранитных зрачках» Петербурга. Неизвестное о Николае Клюеве в городе на Неве // Рог Борей. СПб., 2003. № 18; Венок Николаю Клюеву. 1911–2003 / сост., предисл. и примеч. С. И. Субботина. М., 2004; Николай Клюев глазами современников / сост., прим. В. Гарнина. СПб., 2005.

А. И. Михайлов

KNORRING Ирина Николаевна [21.4(4.5). 1906, с. Елшанка Самарской губ.— 23.1. 1943, Париж] — поэтесса т. н. младшего поколения «первой волны» эмиграции, или «незамеченного» поколения.

Происходила из дворянской семьи, ранние годы провела в небольшом родовом имении, где и родилась, затем в Харькове, месте

И. Н. Кнорринг